

«Мнимый Пушкин» — тема отнюдь не новая: сперва в далеком 1903 г. со статьей в «Новом времени» выступил Н. А. Ефремов, через двадцать лет Ю. Н. Тынянов, а затем со второй половины XX в. постоянно кто-нибудь возвращается к теме, не замечая того, что все рассуждения строятся на так называемом большом академическом полном собрании сочинений в 16-ти томах, которое с 1946 г. было многократно растиражировано Б. В. Томашевским в виде 10-томного малого академического. Недаром на юбилейной конференции в Стэнфорде в 1999 г. Вяч. Вс. Иванов заметил: «Стремление сделать Пушкина до уныния рациональным и понятным унаследовано от столпов советского пушкиноведения... Пушкин, которого они приготовили нам для чтения, соответствует их (а никак не его) взглядам на мир...»¹

«Мифы и легенды», окутавшие художественное наследие великого поэта, в большой степени являются мезью нашему нежеланию осмыслить то, что однажды выразил Г. О. Винокур: «...будем откровенны и признаемся, что... мы систематически разучивались понимать Пушкина»². О том, как мы «разучивались понимать», свидетельствуют многие страницы так называемой пушкинианы.

Приведу только два примера.

В 1899 г. Л. Н. Майков писал: «К сожалению, из Ушаковских альбомов сохранился только один, принадлежавший младшей

© Shmuel Schwarzband, 2014

© TSQ № 47. Winter 2014

¹ Вяч. Вс. Иванов. Два демона (беса) и два ангела у Пушкина. — В кн.: Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999. Материалы и исследования. М., 2001, с. 42.

² Г. О. Винокур. О языке художественной литературы. М., 1991, с. 180.

сестре; два же других, обладательницей которых была старшая, Екатерина Николаевна, были, по словам ее племянника Н. С. Киселева, «сожжены ее мужем М. Д. Наумовым...» Таким образом погибли некоторые из бывших в семье Ушаковых автографов и рисунков Пушкина, но два стихотворения, посвященные им Екатерине Николаевне, все-таки уцелели: мы нашли их среди рассмотренных нами бумаг в двух копиях, ею самую сделанных, при чем одна из этих копий — судя по бумаге — восходит еще к двадцатым годам... Оба помянутые стихотворения также существуют в печати: они были изданы в *Библиографических Записках* 1859 года, как списанные «с автографа Пушкина из альбома Е. Н. Ушаковой». Но копия, доставленная в редакцию журнала (без согласия самой Екатерины Николаевны, как это видно из письма ее к Н. С. Киселеву), представляет некоторые отличия от списков, сделанных ею собственноручно. Поэтому мы считаем не лишним воспроизвести здесь оба Пушкинских стихотворения в том именно виде, в каком они сохранились в Киселевских бумагах...»³

Первое из сохранившихся стихотворений («Когда, бывало в старину») не требовало специальных описаний. Спор Л. Н. Майкова с «Библиографическими записками» касался только второго стихотворения «В отдалении от вас».

Публикуя в главке под названием «*Vers de Pouchkine à son départ à Pétersbourg, faits chez nous*» экспромт Пушкина с датой «16 мая 1827», Л. Н. Майков атрибутировал: «В *Библиографических Записках* сообщен тот же текст этого восьмистишия, но без всякой даты, лишь с примечанием: «Писано перед отъездом Пушкина на Кавказ». Во второй позднейшей копии этой пьесы Екатерина Николаевна также не выставила даты ее и озаглавила ее следующим образом: «Экспромт при отъезде на Кавказ, сказанный в мазурке на бале у князя Голицына». На основании подобных показаний издатели сочинений Пушкина относят... экспромт к 1829 году. Но следует заметить, что о поездке на Кавказ он стал думать еще года за два до того, как осуществил ее; а определенная помета на первом *старшем* списке стихотворения устраняет возможность датировать его

³ См.: Л. Н. Майков. Знакомство Пушкина с семейством Ушаковых. — В кн.: Л. Н. Майков. Пушкин. СПб, 1899, с. 362—363.

иначе, как 1827 годом. Затем, был ли экспромт сочинен в доме Ушаковых, или же на балу у князя Д. В. Голицына, — это уже не имеет существенного значения»⁴.

Думается, что категорическое утверждение Л. Н. Майкова «*Vers de Pouchkine à son départ à Pétersbourg, faits chez nous*» прежде всего оспаривало публикацию в *Библиографических записках*.

Однако сведения о «старшей» копии экспромта с датой «16 мая 1827», к несчастью, нам известны только из работы Л. Н. Майкова, поскольку именно эта копия была впоследствии утеряна. Вместе с тем дата и заголовки в *копиях* являются пометами не поэта, а переписчика, т. е. Е. Н. Ушаковой.

История сохранившихся двух копий (утерянной рукописной и опубликованной в «Библиографических Записках») стихотворения «В отдалении от вас...» прежде всего ставит перед современными исследователями текстологические вопросы:

- зачем и для кого были сделаны копии?
- чем объясняются разные пометы в них?
- пушкинский экспромт был сказан и/или записан?

Ни на один из них Л. Н. Майков ответа не дал, а в печати утвердилось его мнение о датировке «старшей» копии — 16 мая 1827 г.:

В отдалении от вас
С вами буду неразлучен,
Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен;
Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен.
Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен?

Соотношение гетевской «поэзии и правды», видимо, составляло основу разных названий и датировок экспромта как на рукописи, так и в печатном варианте «Библиографических

⁴ См.: Л. Н. Майков. Знакомство Пушкина с семейством Ушаковых, *ibid.*, с. 364.

Записок». Поэтому приходится признать, что вторая копия утерянного автографа с номинацией «Экспромт при отъезде на Кавказ» была прелюбопытной.

Напомню. В ночь на 20 мая Пушкин выехал из первопрестольной и «после семилетнего отсутствия... поселился в гостинице Е. Ф. Демута на Мойке в двухкомнатном номере с окнами во двор»⁵.

В Петербурге Пушкин «в отдалении» от Ек. Н. Ушаковой сразу же стал флиртовать с А. П. Керн, а затем и ухаживать за А. Н. Олениной. Менялись объекты привязанностей поэта, и столь же быстро менялась и ситуация. Несомненно, в связи с экспромтом Ек. Н. Ушаковой особенно интересен рассказ А. П. Керн о стихах Пушкина в «шутливом расположении духа»: он «пришел ко мне, и, застав меня за письмом к меньшей сестре моей в Малороссию, приписал в нем:

Когда помилует нас бог,
Когда не буду я повешен,
То буду я у ваших ног
В тени украинских черешен»⁶.

Этот экспромт публикуется с датой «1829» (?) и под редакторской номинацией: <Е. П. Полторацкой> (т. XIII, с. 150).

Сходство обоих экспромтов с контекстным образом одного слова («повешен»), ситуативные различия в поводах (в первом — разлука, а во втором, наоборот, — встреча) и в синтаксисе (условные союзы «если» в вопросительном предложении и «когда» в утвердительном) — не требуют доказательств их взаимодействия.

Но, пожалуй, диаметрально противоположный смысл семы «повешен», связующей оба экспромта, был определен следствием не по «делу о Шенье», а по второму делу — о «Гавриилиаде»...

⁵ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. В 4-х тт. Под редакцией Н. А. Тарховой. М., МСМХСІХ, т. 2, с. 268. В дальнейшем указываю том и страницы в тексте.

⁶ А. П. Керн. Воспоминания о Пушкине. В кн.: Пушкин в воспоминаниях современников, *ibid.*, т. 1, с. 392.

Считается, что разные стихотворные опыты, записи в черновиках «Евгения Онегина», наброски профильных портретов и т. д. были связаны в 1828 г. с именем А. Н. Олениной.

Казалось бы, они свидетельствовали, что новая влюбленность Пушкина заслонила образ Ек. Н. Ушаковой (вспомните: «Не хочу я быть утешен»), и В. Б. Сандомирская, описывая историю заполнения ПД 838, указала: «Обратившись к тетради в начале мая, Пушкин... на л. 14 записал черновик стихотворения «Увы, язык любви болтливый». Черновик занимает левый столбец»⁷.

Так что текстологическая история стихотворения, записанного по соседству со стихами, адресат которых принят всеми пушкинистами (А. А. Оленина), вроде бы позволял увидеть в *кротком и безмятежном ангеле* предмет нового пушкинского увлечения.

Однако *условность* обращения субъекта текста к некоему ангелу закономерно в пушкинских штудиях превратилась в реальное *имя* ангела: Т. Г. Зенгер писала: «Весна 1828 г. была разгаром увлечения Пушкина Олениной; на следующем листе тетради, где находится черновик «Вы избалованы природой», написано, ей посвященное, «Увы, язык любви болтливой» и «Снова тучи надо мною», связанное с нею...»⁸.

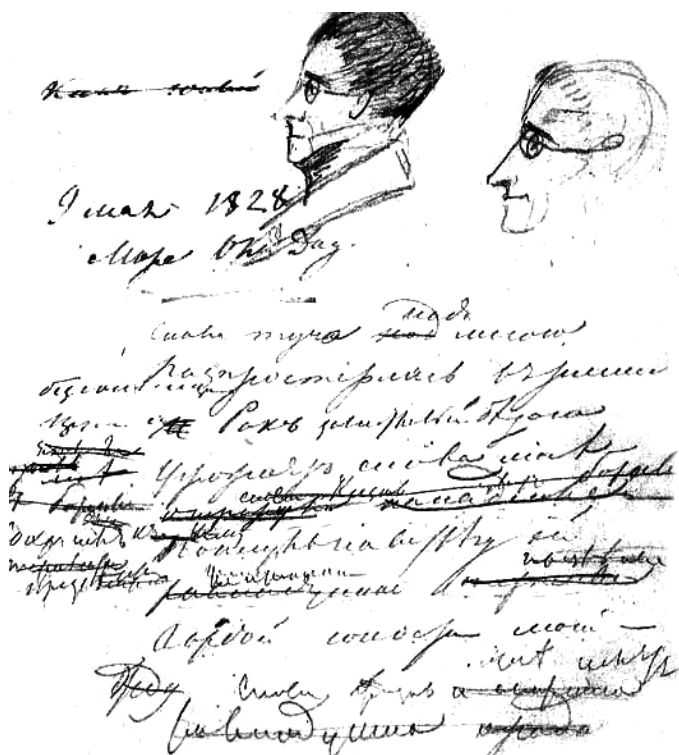
Как считает В. Б. Сандомирская, судя по записям на л. 23, Пушкин «в этот раз собирался работать над «Полтавой»... но работа не пошла, появились рисунки; по-видимому, в этот момент Пушкин обратился к началу «Полтавы»... Листая тетрадь далее, Пушкин на свободной части л. 14, справа от черновика стихотворения «Увы! язык любви болтливый», записанного чернилами, набросал тонким карандашом начало нового стихотворения «Предчувствие» — первые 12 стихов; тогда же появились рисунки вверху — два мужских профиля в очках»... «Предчувствие» создавалось под впечатлением первого вызова

⁷ В. Б. Сандомирская. Рабочая тетрадь Пушкина 1828—1833 гг.: ПД № 838. История заполнения. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1982, т. 10, с. 244.

⁸ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. Подготовка к печати и коммент. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского, Т. Г. Зенгер. М.—Л., 1935, с. 652.

по поводу «Гавриилиады» и может быть датировано временем между первым и вторым допросом — 3—19 августа 1828 г.»⁹.

Рядом, на правой стороне этого листа, Пушкин записал черновик стихотворения «Предчувствие»:

Вернемся к хронологической канве: 26 мая Пушкин «празднует день своего рождения в доме родителей... на обеде были... А. П. Керн и А. С. Норов...» (Н. А. Тархова, т. 2, с. 270).

Былое увлечение вспыхнуло с новой силой, и вплоть до апреля 1828 г. составляло основное содержание сердечной жизни Пушкина.

В 1827 г. с конца июля по 13 октября Пушкин находился в Михайловском. По возвращении в Петербург в ноябре-декабре он на балу встретился с А. А. Олениной.

⁹ В. Б. Сандомирская. Рабочая тетрадь Пушкина 1828—1833 гг., *ibid.*, с. 244.

Однако, как сообщал П. А. Вяземский своей жене, лишь в апреле 1828 г. на вечере у Олениных Пушкин увлекся ею: «Девушка Оленина довольно бойкая штучка: Пушкин называет ее «драгунчиком» и за этим драгунчиком ухаживает» (Н. А. Тархова, т. 2, с. 371)¹⁰.

Стихи, разговоры, «тайные» свидания, — все говорило о новой сердечной привязанности Пушкина. О встрече с Пушкиным 20 мая на даче у Олениных рассказал Вяземский на другой день в письме к жене: «Ездил я с Мицкевичем вечером к Олениным в деревню в Приютино, верст за 17. Там нашли мы и Пушкина с своими любовными гримасами. Деревня довольно мила, особливо же для Петербурга: есть довольно движения в видах, возвышения, вода, лес. Но зато комары делают из этого места суший ад. Я никогда не видал подобного множества... Пушкин был весь в прыщах и, осаждаемый комарами, нежно восклицал: сладко»¹¹.

К этому времени относится и эпизод, рассказанный А. А. Олениной, которая, по обыкновению повествуя о себе в 3-ем лице, на копии стихотворения «Ты и вы» записала: «Анна Алексеевна Оленина ошиблась, говоря Пушкину *ты*, и на другое воскресенье он привез эти стихи»¹².

Хронология пушкинских увлечений крайне показательна: Софья Федоровна Пушкина — сентябрь—декабрь 1826 г.; Екатерина Николаевна Ушакова — декабрь 1826 г. — 19 мая 1827 г.; Анна Петровна Керн — май 1827 г. — апрель 1828 г.; Анна Алексеевна Оленина — апрель—сентябрь 1828 г.

Увлечения Пушкина никогда не пересекались друг с другом. При этом сватовство к С. Ф. Пушкиной и А. А. Олениной закончилось для Пушкина их отказом, «теновой» флирт с А. П. Керн женитьбы не предполагал.

14 марта 1829 г. Пушкин приехал в Москву, чтобы затем в ночь с 1 на 2 мая выехать на Кавказ.

¹⁰ Цит по: Друзья Пушкина. Составление В. В. Кунина. В 2-х тт. М., 1984, т. 1, с. 393.

¹¹ Т. Г. Цявловская. Дневник А. А. Олениной. — В кн.: Пушкин: Исследования и материалы. М.—Л., 1958, т. 2, с. 259.

¹² Т. Г. Цявловская. Дневник А. А. Олениной, *ibid.*, т. 2, с. 254.

Нетрудно заметить, исходя из «трудов и дней» поэта, что «старшая» копия экспромта Пушкина (*записанная* Ек. Н. Ушаковой) была как бы «гарантийным письмом» неизменности чувств уезжающего в Петербург Пушкина, которое тут же по прибытию в северную столицу было «отменено» им.

Несоответствие сказанного (= написанного) в Москве 16 мая 1827 г. и реального поведения в Петербурге с 20-х чисел мая 1827 г. и по март 1829 г. — вот условия возникновения второй копии «перед отъездом на Кавказ».

Итак, хотя дата («16 мая 1827 г.») под стихотворением, в котором есть слово «повешен», в определенной степени могла показаться Л. Н. Майкову достоверной, однако ситуация в политическом деле по распространению стихов «На 14 декабря» была, конечно, неприятной, но отнюдь не столь серьезной для Пушкина, чтобы думать о виселице. Следовательно, последняя строка экспромта никак не соотносила будущее автора с «разысканиями» комиссии военного суда при лейб-гвардии конно-егерского полка:

Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен?

Оксюморонность («В отдалении...» — «буду неразлучен»), повторяемость эпитетов («томные уста» и «томные глаза») и глагола «быть» («буду — быть — буду»), объединение разных фрагментов в одно целое (точка с запятой в середине стихотворения выступает как соединительный знак препинания, а не разделительный), — все является свидетельством того, что субъект текста, *измученный памятью и изнывающий в тишине*, доказывает мадригальность эмоционального построения.

Вместе с тем условная конструкция с вопросительным знаком, обращенная к адресату, трансформировала возможные трагические смыслы («буду я повешен») в «утешительный» вздох.

Амбивалентность стилистических соотношений («не хочу я быть утешен», но все-таки вы «вздохнете ль обо мне?» и «не хочу я быть утешен», даже «если буду я повешен») выступила

как определитель экспромта именно в силу необработанности противоречивых конструкций.

Но если «старшая» копия экспромта Пушкина была записана Ушаковой 16 мая 1827 г. накануне отъезда Пушкина в Петербург (с разрешения А. Х. Бенкендорфа по «семейным обстоятельствам»), то, естественно, ее следует считать обыкновенной «памяткой» разлуки, а глубоко интимный смысл экспромта «безутешного» поэта делал его непригодным для распространения или показа кому бы то ни было.

Опубликованная же в «Библиографических Записках» копия, списанная «с автографа Пушкина» с примечанием адресата: «Писано перед отъездом Пушкина на Кавказ», была сделана в совсем иной ситуации.

Ек. Н. Ушакова, будучи хорошо осведомленной в петербургской «измене» и сватовстве Пушкина к А. А. Олениной, решила «отомстить» ему, поскольку после событий 1828 г. в северной столице строки о «безутешности» разлуки с московской знакомой становились *случайной* поэтической шуткой, усиленной соотношением *смысла* экспромта с поведением самой Е. Н. Ушаковой, помолвленной с князем Долгоруким, да к тому же осложненной и автором в ситуации «осады Карса», т. е. ухаживании Пушкина за Н. Н. Гончаровой и сватовством к ней в 1829 г.; поэтому «младшая» копия с иной словесной датировкой («при отъезде на Кавказ») становилась «парфянской стрелой» оскорбленной девушки.

При этом *сказанный* Пушкиным на балу у князя Голицына экспромт приобретал характер *неудачной шутки* поэта, после которого дошедший до нас каламбур самой Ек. Н. Ушаковой, оставшийся за пределами экспромта, лишь оттенял неудачу пушкинского экспромта в 1829 г.: «С чем же я-то остался?», — вскрикивает Пушкин. «С оленьими рогами», — отвечает ему невеста»¹³.

Эти одновременные копии с двумя несовпадающими датами хранят к тому же одну важную деталь временной атрибуции: первая дата «16 мая 1827» была абсолютно неприемлема для второй копии, поскольку 1 мая 1829 г. Пушкин выехал

¹³ Д. Н. Майков. Знакомство Пушкина с семейством Ушаковых, *ibid.*, с. 365.

из Москвы в армию Паскевича — началось «путешествие в Арзрум». Поэтому на «младшей» копии появилась вполне справедливая датировка: «Писано перед отъездом Пушкина на Кавказ» без точной датировки.

Следовательно, текстологическая история двух копий пушкинского экспромта, предлагая сравнение реальных фактов и «биографизмов» со стихотворным опытом Пушкина, отменяет предложенный Л. Н. Майковым «пасьянс» из надписей, датировок и «меморий», которые вместо доказательств декларируют формулу «*faits chez nous*».

С историей обеих копий связан еще один эпизод, рассказанный мной И. З. Серману и вызвавший его улыбку: «Жаль, коллега, что Татьяна Григорьевна¹⁴ не прочтет об этом...»

Действительно, черновики писем Пушкина, якобы написанные им Каролине Собаньской, явились «строительным материалом» для некоторых утвердившихся впоследствии мифов.

Поэтому факт наличия в альбоме, принадлежащем К. А. Собаньской, чужого автографа Пушкина с аннотацией «ее рукой» на обороте автографа требует текстологического объяснения.

Конечно, Пушкин, *сочиняя*, например, «Я вас любил: любовь еще, быть может...», был вправе думать обо всех женщинах, в том числе и об Е. Н. Ушаковой, А. Н. Олениной или К. А. Собаньской.

Кажется, так обстоит дело со стихами, которые по разным документальным и не документальным основаниям атрибутируют в качестве специально написанных для определенных особ и вычитывают из них некие интимные подробности.

По крайней мере, история известных стихотворений (например, «Я помню чудное мгновенье...» или «Вы избалованы природой...») однозначно доказывает, что стихи могли быть подарены кому бы то ни было, они могли быть даже вписаны в те или иные альбомы, наконец, сам автор мог утверждать, что существует их некий адресат, но, тем не менее и прежде всего, они — сами по себе — являются фактом *литературной биографии*, а не реальной жизни сочинителя.

¹⁴ Имеется в виду Т. Г. Зенгер-Цявловская.

По крайней мере, исходная ситуация стихотворения «Что в имени тебе моем?» — обращение к известному лицу о личной записи, удостоверяемой подписью автора, — видимо, была абсолютно стандартной для «альбомной лирики».

Характерно, что В. Б. Сандомирская специально подчеркнула характер композиции опубликованного Пушкиным стихотворения «Е. Н. У...вой» («Вы избалованы природой»), в котором «явственно ощущаются две части, соединенные противопоставлением: для хвалы писать бессмысленно, но я пишу в надежде на воспоминание красавицы»¹⁵.

Эта же «расхожая мысль» просматривается и в стихотворении из альбома К. А. Собаньской (Т. Г. Зенгер категорически отметила: «Вновь встретился Пушкин с Собаньской в ноябре—декабре 1829 г... Первое свидетельство об этих встречах — написанное в ее альбом 5 января 1830 г. стихотворение»¹⁶):

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я... (т. III/1, с. 210).

¹⁵ В. Б. Сандомирская. Стихотворения Пушкина «<А. Олениной>» и «<Е. Н. Ушаковой>». — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1983, т. 11, с. 74.

¹⁶ Рукою Пушкина, *ibid.*, с. 202.

Однако история пушкинских посвящений вообще требует крайней осторожности. Не случайно, анализируя листок из альбома Ел. Н. Ушаковой, Т. Г. Зенгер писала: «Думаю, что я не впаду в ошибку, сказав, что в апреле—мае 1828 г. Пушкиным было написано стихотворение «Вы избалованы природой», обращенное к А. А. Олениной, и в начале января 1829 г. в Москве (где Пушкин был с 6 декабря 1828 г.) он на основе этого стихотворения написал другое, применительно к Елизавете Николаевне Ушаковой». Исследовательница напомнила, что случаи «записей в альбомы Пушкиным разным женщинам одних и тех же стихов также известны: Е. Н. Вульф, затем Е. А. Ладыженской вписаны «Если жизнь тебя обманет», М. Шимановской и П. А. Бартеневой — «Из наслаждений жизни»¹⁷.

Вспомним, что с черновой работой над «мадригалом» А. Н. Олениной (1828) и публикацией стихотворения «Е. Н. У...вой» (1829) хорошо согласуется рассказ сына Ел. Н. Ушаковой о том, как Пушкин передал посвященные ей стихи: «Когда Пушкин принес их... они были без подписи; на вопрос матушки: зачем он не подписал своего имени: он отвечал, как будто оскорбленный этим требованием: «Так вы находите, что под стихами Пушкина нужна подпись? Проститесь с этим листком: он не достоин чести быть в вашем альбоме»¹⁸.

Замечу, что рассказ Н. С. Киселева «напоминает» аннотацию К. А. Собаньской на обороте стихотворения Пушкина, которого она просила оставить «свое имя на странице моего альбома». Автограф в альбоме К. Собаньской «написан на листе плотной желтоватой бумаги без водяных знаков. Лист производит впечатление вырезанного из другого альбома и вклеенного в данный: на трех сторонах листа золотой обрез... Лист до наклейки в альбом был вертикально сложен пополам. В правом верхнем углу рукописи карандашная цифра «41» — номер автографа в альбоме»¹⁹.

¹⁷ Рукою Пушкина, *ibid.*, с. 203.

¹⁸ Л. Н. Майков. Знакомство Пушкина с семейством Ушаковых, *ibid.*, с. 371.

¹⁹ В. Базилевич. Автограф «Что в имени тебе моем?». IN: Литературное наследство, т. 16—18. М., 1934, с. 879.

С палеографической точки зрения описание сложенного «вертикально... пополам» листа «плотной желтоватой бумаги без водяных знаков», имеющего «на трех сторонах... золотой обрез», не может не вызвать пристального внимания. В этой связи напомним Л. Н. Майкова, который писал о тетрадке, принадлежавшей Ел. Н. Ушаковой, «в 96 листов с золотым обрезаем»²⁰.

Необходимо вспомнить и об истории «безымянного» автографа: «...Пушкин передал Елизавете Николаевне посвященные ей стихи... на вопрос... «зачем он не подписал своего имени, он ответил... «Так вы находите, что под стихами Пушкина нужна подпись? Проститесь с этим листком; он недостойн чести быть в вашем альбоме». И Пушкин уже был готов уничтожить его; тут началась борьба, кончившаяся тем, что драгоценный листок остался...» у Ел. Н. Ушаковой, но «совершенно измятый и с оторванным углом»²¹.

Замечательны заключительные слова памятки Н. С. Киселева: «Действительно, на этом уцелевшем поныне, измятом и оборванном листке стоит полная подпись поэта в том виде, как он подписывался на деловых бумагах, но сделана она им не теми же чернилами и не тем пером, которыми написано самое стихотворение»²².

Естественно, что вспоминается и «пожелтевший листок» с копией посвященного Е. Н. Ушаковой стихотворения князя П. А. Вяземского²³.

Надо упомянуть, что под датой «5 января 1830 г. Воскресенье» в «Летописи жизни и творчества» значится: «Пушкин посещает К. Собаньскую, записывает в ее альбом стихотворение «*Что в имени тебе моем*»... На обороте автографа помета рукой Собаньской: «Par Alexandre Pouchkine... <Александр Пушкин...>» (Н. Тархова, т. 3, с. 1).

²⁰ Л. Н. Майков. Знакомство Пушкина с семейством Ушаковых, *ibid.*, с. 365.

²¹ Л. Н. Майков. Знакомство Пушкина с семейством Ушаковых, *ibid.*, с. 371.

²² Л. Н. Майков. Знакомство Пушкина с семейством Ушаковых, *ibid.*, с. 371.

²³ Л. Н. Майков. Знакомство Пушкина с семейством Ушаковых, *ibid.*, с. 369.

Первый публикатор автографа из альбома К. Собаньской — В.Базилевич — в конце своей заметки писал: «...автограф этот дает возможность точно установить, что стихотворение «Что в имени тебе моем?» написано в Петербурге в альбом Каролины Собаньской, что его чистовая редакция относится к 5 января 1830 г., что запись в альбом К. Собаньской является не первоначальной... а окончательной редакцией стихотворения»²⁴.

Собственно говоря, последовательность событий, связанных с альбомной записью стихотворения, поддается реконструкции:

1. В конце 1829 г. Пушкин сочиняет черновую редакцию стихотворения «Что в имени тебе моем?»

2. В воскресенье, 5 января 1830 г., он записывает «окончательную редакцию» на желтоватой бумаге с золотым обрезом (неизвестно в альбом ли или же просто на отдельном листе).

3. Эта «окончательная редакция» на отдельном листе оказалась вклеенной в альбом К. Собаньской.

4. Лист «до наклейки в альбом был вертикально сложен пополам».

5. Время и место «надписи рукою К. Собаньской» на обороте листа — надо рассматривать обособленно от пушкинского автографа.

Надо вспомнить, что В. Базилевич указал одно важное отличие окончательной редакции от опубликованных вариантов: в 12-й строке вместо слова «чистых» написано слово «мирных»²⁵. Кажется, именно эта замена позволила Пушкину вписать стихотворение в альбом «кокетки богомольной», поскольку соперничество с А. Мицкевичем закончилось в связи с его отъездом из России весной 1829 г.

Как известно, в основе «гипотезы» Т. Г. Зенгер лежала публикация Ю. Г. Оксмана (1934): он включил в состав «Неизданных писем к Пушкину» (из материалов архива П. Е. Щеголева) записку «неизвестной светской женщины»:

²⁴ В. Базилевич. Автограф «Что в имени тебе моем?», *ibid.*, с. 878.

²⁵ В. Базилевич. Автограф «Что в имени тебе моем?», *ibid.*, с. 879.

J'ai oublié l'autre jour que j'étais
à Paris et que j'avais écrit la lettre
de ce soir. J'ai oublié qu'il fallait
communément se joindre par la poste
& que je devais la continuer par
voies & courir d'affaires. J'en suis
divolé en ce qui va retarder j'ai
demain soir le plaisir de vous voir
& celui de vous entendre. J'espère
que tu n'oublieras pas la soirée de
Lundi & que tu ne te en vas pas
trop de mon importance la preuve
de toute l'admiration que je te
porte. C. G.

—
C. G.

И хотя Ю. Г. Оксман датировал эту записку тем же периодом, что и письмо В. С. Голицына от 25 июня 1830 г.²⁶, она вскоре появилась среди писем к Пушкину с «точной» датировкой Т. Г. Зенгер — 2 февраля 1830 г. как записка S<omtesse> S<obanska> (графини Собаньской). В примечаниях к ней Д. П. Якубович указал: «В собрание переписки Пушкина вводится впервые» (т. XIV, с. 313).

Комментируя эту записку в «Рукою Пушкина», Т. Г. Зенгер безапелляционно заявила: «Пушкин отвечает Собаньской в день получения ее записки. Записка же ее помечена воскресеньем. Воскресенье в указанный промежуток приходилось на 2 февраля... Подпись, сделанная одними инициалами, говорит об известной близости отношений. Выражение «l'autre jour» говорит о совсем недавней встрече. Предстоящая встреча очевидно будет tête-à-tête. Витиеватые слова об ее «назойливости» и «чувстве восхищения» — конечно, лишь светский тон. Со-

²⁶ Неизданные письма к Пушкину. — В кн.: Литературное наследство, т. 16—18. М., 1934, с. 570.

баньская совершенно уверена, что Пушкин придет, когда угодно, лишь только она его позовет»²⁷.

В этом не было ничего удивительного: увлеченная своими «открытиями», Т. Г. Зенгер «связала» с запиской разнородные материалы, и пушкинисты согласились с нею.

Не трудно показать, что инициалы подписи «С-S» не поддаются достоверной дешифровке, поскольку «S» может читаться и как «F». К тому же среди знакомых Пушкина «С<от-тессе> S<обанска>» была не единственной католичкой (например, графиня Д. Ф. Фикельмон, тесное общение с которой как раз и приходится на январь—февраль 1830 г. Но здесь об этом говорить не будем).

Я. Л. Левкович почувствовала нечто неладное в атрибуциях Т. Г. Зенгер и отметила: «Во всех изданиях сочинений Пушкина, начиная с академического, эти два письма переставлены местами. Они печатаются под одной датой «2 февраля» в таком порядке: сперва письмо из тетради № 842 («Сегодня 9-я годовщина...»), потом записка Собаньской...», а затем ответное письмо Пушкина из тетради № 841 («Вы смеетесь над моим нетерпением...»): «При таком расположении для первого письма нет ни временных, ни психологических оснований... Куртуазные признания далеки от истинных чувств поэта»²⁸.

У меня тоже нет не только для первого, но и для второго письма «ни временных, ни психологических оснований», поскольку, вопреки «биографизмам», черновики писем прежде всего свидетельствовали об их сугубо *литературном* генезисе.

К тому же дата на автографе стихотворения из альбома — 5 января, воскресенье, — «корреспондировала» исследовательнице и дату «записки неизвестной женщины» — 2 февраля 1830 г. (тоже воскресенье), а вместе с ней и даты черновиков писем Пушкина.

Несомненно, решающим фактором в данном случае является установление действительных датировок черновиков.

По странному стечению обстоятельств и отсутствия у исследователей возможности работать с рукописями Пушкина,

²⁷ Рукою Пушкина, *ibid.*, с. 203.

²⁸ Я. Л. Левкович. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 842 (история заполнения). — В кн.: Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991, т. 14, с. 155.

никто не заметил, что дата, предложенная Т. Г. Зенгер, — «2 февраля» — была сконструирована на основе разнородных фактов и собственных индивидуальных домыслов. Определить время записи черновиков по месту их нахождения в рабочих тетрадях Пушкина невозможно. Зато по взаимодействию с другими литературными замыслами эта задача может быть решена (особенно при сравнении их с письмами на русском языке в рукописях «исторического романа» <Арап Петра Великого>).

Легенда о черновиках писем к К. А. Собаньской «официально» просуществовала до 1998 г., когда Л. И. Вольперт, указав на то, что связь с романом Б. Констана «Адольф» заметна «в письме к Неизвестной от января—февраля 1830 г... Пушкин «проигрывает» здесь ситуации из Адольфа и не только не утаивает литературного источника «игры», но, напротив, спешит его раскрыть», заключила: «Черновой текст письма может послужить ценным материалом для изучения работы Пушкина над языком психологической прозы... При первом взгляде на черновик возникает ощущение, что фрагмент создавался в чем-то по законам художественного творчества. Не случайно такие опытные пушкинисты, как В. Е. Якушкин, П. А. Ефремов и П. О. Морозов первоначально истолковали это письмо как фрагмент из черновых заготовок художественной прозы»²⁹.

Впрочем, к чести Т. Г. Зенгер надо сказать, что о романе Бенджамена Констана она тоже писала и в первой, и во второй публикации писем «к Собаньской».

Однако Н. П. Прожогин в 2001 г., используя записи в парижском дневнике австрийского дипломата в Париже Рудольфа Алпони о встречах с К. А. Собаньской, которые «не заслуживали бы столь обширного цитирования, если бы не их даты» — первая сделана 23 января, вторая — 9 февраля 1830 года³⁰, указал: «Нетрудно рассчитать, что находившаяся тогда в Париже Собаньская должна была уехать из России не

²⁹ Л. И. Вольперт. Пушкинская Франция. Тарту, 2010, с. 156—162.

³⁰ Цит. по: <http://magazines.russ.ru/voplit/2001/6/pro.html> (Николай Прожогин. «Что в имени тебе моем...» // «Вопросы литературы», № 6, 2001).

позже первых чисел января»³¹, и, судя по дате, проставленной на автографе стихотворения в альбоме К. Собаньской, сразу же после 5 января 1830 г.

При всем при этом я не склонен обвинять Т. Г. Зенгер в умышленной подтасовке фактов. Она сделала громадную работу по сбору необходимых данных, на основе которых и пришла к определенному решению.

То, что это решение оказалось противоречивым, вовсе не означает, что надо зачеркнуть и всю проделанную работу ученого.

Ведь науке доподлинно известно, что тупики не менее ценны, чем открытия. А с учетом *принципиальной относительности* любой текстологической конструкции, которая существует только до того момента, пока не становится известным некий нивелирующий ее материал, приходится констатировать обязательную эвентуальность (при определенных условиях и знаниях) любой модели.

Однако именно эта неокончателность знаний и концепций позволяет науке двигаться вперед. И может, лучшим памятником Т. Г. Зенгер будет установление связи черновиков французских писем с попыткой Пушкина вернуться к работе в 1829 г. над брошенным весной 1828 г. «историческим романом». Но это можно будет утверждать только после подробного сравнения автографов, для чего Т. Г. Зенгер сделала многое.

³¹ Цит. по: <http://magazines.russ.ru/voplit/2001/6/pro.html>.